

•
АНТИЧНЫЙ
МИР
•

ВЕЛИКИЕ УЧЕНЫЕ ДРЕВНОСТИ

Семь греческих мудрецов,
или Заря наук

Луи
Фигье

Луи Фигье
Великие ученые
древности. Семь греческих
мудрецов, или Заря наук
Серия «Античный мир»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74254646

Великие ученые древности. Семь греческих мудрецов, или Заря наук / Л.

Фигье: Вече; Москва; 2026

ISBN 978-5-4484-6010-4

Аннотация

Фалес, Пифагор, Платон, Аристотель, Гиппократ, Теофраст, Архимед, Евклид... Большинство этих имён хорошо известно любому человеку, знакомому с историей науки. Каждое из этих прославленных имен отделено от нас многими веками, и потому читателю интересно будет узнать что-то новое о творчестве великих представителей науки Древнего мира, обстоятельствах их жизни, воспитании, критической оценки различных трудов, которыми они способствовали накоплению и развитию человеческих знаний. Этой цели служит предлагаемая книга французского писателя и естествоиспытателя XIX века Луи Фигье. Вышедшая во Франции в 1866 г., она была сразу же

переведена на английский, немецкий и русский языки. И в наше время книга Фигье пользуется заслуженным уважением не только в ученом мире, но и среди широкой читающей аудитории.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие[1]	7
Состояние наук в доисторический период	13
Фалес	52
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Луи Фигье
Великие ученые
древности. Семь греческих
мудрецов, или Заря наук

Серия «Античный мир»

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Предисловие¹

Странно, что в новейшей литературе никто не подумал соединить в одном сочинении биографии ученых. Были обнаружены сборники, содержавшие *жизнеописания святых, великих полководцев, живописцев, музыкантов* и т. д. Но никто еще, ни в России, ни за границей, не вздумал рассказать публике жизнь всех великих представителей науки.

В настоящее время, если требуется узнать обстоятельства жизни какого-нибудь естествоиспытателя, физика, астронома, инженера, приходится разыскивать, не существует ли где биографии данного лица. Но эти документы редки и сбивчивы относительно всех ученых, живших до Средних веков. Притом не всегда легко достать их, и тогда приходится довольствоваться каким-нибудь *биографическим* или *энциклопедическим* словарем. Эти сборники, без сомнения, достойны всякого уважения; они полезны количеством собранных в них имен; но относительно биографий ученых они совершенно недостаточны по краткости посвященных им статей, по сухости изложения, наконец, по отсутствию однородного критического взгляда, так как содержащиеся в них биографические сведения писаны различными лицами.

Принимаясь за дело, довольно трудное по своей обшир-

¹ В книге сохранено написание исторических имен и географических названий, принятое во второй половине XIX в. — *Примеч. ред.*

ности и необычайному разнообразию (описать жизнь и оценить труды людей, знаменитейших во всех отраслях наук), мы уверены, что труд наш пополнит значительный пробел в ученой литературе.

Жизнеописание светил науки, как нам кажется, занимательно для всякой публики.

Физик, химик, естествоиспытатель, инженер необходимо должны знать жизнь основателей науки, которою они занимаются, а также основателей наук, вспомогательных той, которая составляет их специальность.

Светские люди, слышащие беспрестанно в разговоре имена Пифагора и Аристотеля, Иппарха и Галена, Гутенберга и Христофора Колумба, Альберта Великого и Раймонда Люллия, Коперника и Кеплера, Галилея и Ньютона и т. д., будут довольны возможностью прочесть и в случае нужды справиться с биографиями всех этих славных мужей, биографиями, написанными добросовестно и с некоторой заботой о литературной форме.

С другой стороны, какой лучший предмет для чтения и изучения предложить юношеству, какие лучшие примеры представить ему, какие более красноречивые уроки дать для его ума и сердца, как не жизнь этих бессмертных личностей, чести человечества, воплощения трудолюбия и постоянства в добродетели? В гимназиях и дома существует вековой обычай давать воспитанникам читать Плутарховы *Жизнеописания знаменитых людей* для образования юных поколений

возвышенными уроками нравственности, справедливости и доблести. Учащееся юношество всех возрастов, читая *Жизнеописание светил науки*, найдет столь же возвышенные примеры. Оно научится познавать добродетель, гений и честь в лице бессмертных проповедников и творцов науки.

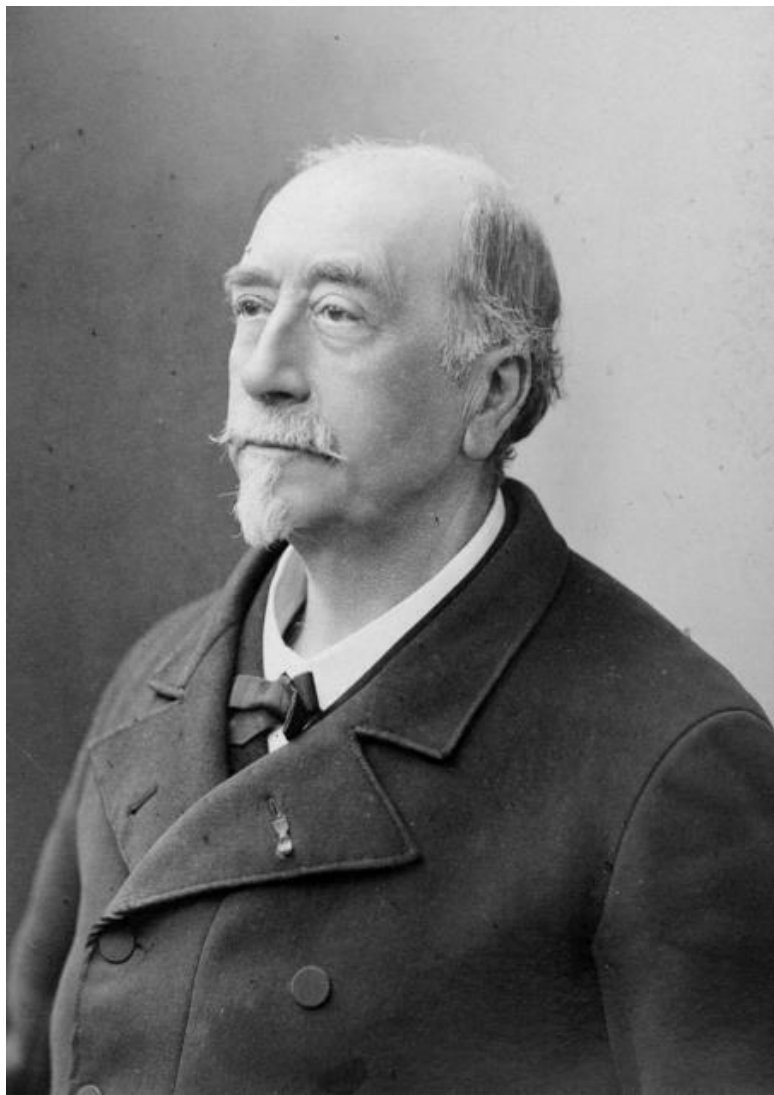
Таким образом, предпринятый нами труд отвечает многим потребностям, он должен оказать услугу многим ученым и любителям наук.

Ряд жизнеописаний ученых от древних времен до девятнадцатого века, изложенный просто в хронологическом порядке, не выполнял бы вполне предположенной нами цели. Этим отдельным этюдам недоставало бы связи. Поэтому нам казалось необходимым перед каждой группой биографий поместить *Историческую картину состояния наук* в рассматриваемую эпоху. Благодаря этому *обзору*, или *исторической картине*, читатели, так сказать, присутствуют при зарождении и развитии наук, от их начала до девятнадцатого века.

Если готовая, созданная наука драгоценна по извлекаемым нами из нее выгодам, то необычайно интересно следить в истории за развитием создающейся науки.

Данные, на которых древняя философия предприняла свои труды, и наследство положительных знаний, завещанное ею последующим поколениям, препятствия, которые встречал на своем пути средневековый ученый, драматическая борьба, которую он должен был выдерживать против

нетерпимых богословов того варварского времени, социальные условия, в которые были поставлены ученые эпохи Возрождения, когда они выполняли свои бессмертные труды и приготавливали драгоценные материалы для благородного здания наук, окончательное создание нашей научной системы, основавшейся наконец в семнадцатом столетии на двойном базисе опыта и возродившейся философии, – вот зрелища, вполне достойные занять внимание и возбудить сочувствие читателей! Не без интереса станут они следить за развитием нарождающейся науки; следить за тем, как она идет ощупью, мужает и изменяется с каждым веком, как порой ученики уклоняются от пути учителя, но в целом все уклонения вознаграждаются, и всегда через некоторый промежуток времени получается равнодействующая успеха.

Итак, сочинение, предлагаемое нами публике, в сущности есть история наук, от их зарождения до их новейших успехов. По форме это ряд биографий, расположенных в хронологическом порядке, биографий, в которых являются перед нами великие ученые от Фалеса до Лавуазье, от Аристотеля до Бюффона; о каждом читатель узнает главные обстоятельства, сопровождавшие его рождение, воспитание, жизнь, и прочтет критическую оценку различных трудов, которыми этот ученый способствовал успеху человеческих знаний.

Состояние наук в доисторический период

Чтобы хорошо понимать труды и жизнь древних ученых, величавые ряды которых мы собираемся обозреть с нашими читателями, нужно прежде всего отказаться от предубеждений и привычек современной науки. Чтобы оценить надлежащим образом знаменитых мужей Греции, Египта и Рима, нужно понимать, в чем состояла наука во времена ее первого пробуждения. Древность никогда не знала того рода ученых, который мы называем *специалистами*. Избрать отдельную ветвь познаний, стараться возделывать ее и довести до процветания, отделив ее от общего ствола, дававшего ей соки и жизнь, быть чистым математиком и оставаться совершенно чуждым астрономии, физике, литературе, искусствам, – вот чего никто бы не мог понять в те времена. Философы того времени не старались сосредоточить свои усилия исключительно на какой-нибудь одной отрасли познаний; они старались завладеть всем деревом науки.

Вот почему гении древности всегда так многосложны. Без сомнения, большая часть наук была тогда в зачаточном состоянии; но, каковы бы они ни были, древние философы были знакомы со всеми ими. Они пользовались одними, чтобы вносить свет в другие, и в некоторых случаях достигали ре-

зультатов, которые возбуждают удивление, если мы примем во внимание, как слабы и неверны были доступные им научные данные, как мало средств было в их распоряжении.

Правда, была эпоха, подготовленная громадными предшествовавшими трудами, когда в Греции на мгновение показались специальности. Но – удивительное явление! – все они соединялись в одном человеке: то был Аристотель. Аристотель первый перечислил, разделил и классифицировал науки, утвердил каждую в ее особой области и в ее надлежащих пределах. Но нужно ли замечать, что в этом разделении, произведенном усилиями одного ума, в сущности не было полного обособления? Устанавливая каждую науку отдельно, Аристотель не мог не сообщить ей жизни и света, которые она должна получать от других наук, а в его обширном уме они все были сосредоточены!

Но где Аристотель заимствовал этот свет, сияние которого руководило его в созидании его гигантской энциклопедии? В тех многочисленных трудах, которые уже были совершены греческим гением, с тех пор как наука принесла свои первые цветы под небом Ионии, в той обширной, несколько беспорядочной, но переполненной богатствами философской энциклопедии, которую раскрывают перед нами книги Платона. Прибавим, что в силу своего гения, творческого по самой сущности, Аристотель так же много извлек из самого себя. Он почерпал свои идеи из результатов своих собственных исследований, простиравшихся во всех направлениях и

оплодотворяемых его могучими размышлениями, особенно с тех пор как, расставшись с академией Платона и вынеся из его преподавания все, что нашел нужным, он стал полагаться опытом, умножать наблюдением и рассекать анализом все разнообразные элементы, входившие в философию. Ибо способность верно судить у Аристотеля была равна способности верно видеть. Соединяя в себе оба великие дара, почти всегда разделенные, он обладал гением в одно и то же время в высшей степени положительным и в высшей степени метафизическим.

Поэтому, когда явился наконец во всем величии многосложный плод сорокалетних трудов, неустанно совершаемых при помощи столь энергических дарований, то это была минута, ни с чем не сравнимая, не только в ученой Греции, но, можно сказать, в научной истории всех народов. Мы не станем здесь перечислять многочисленные сочинения бессмертного философа; но мы можем сказать, не предвосхищая похвал, которые будут ему возданы в его биографии, что из всех наук, установленных им, одни вышли из его рук до такой степени совершенными, что к ним потом ничего не было прибавлено, другие же, способные, по самой своей природе, и к развитию и к прогрессу, так верно были им утверждены на истинных основаниях, что потом никто не пытался изменить эти основания.

«Ничто существующее, – говорит Цицерон, – не происходит вдруг; всякая вещь представляет постепенное проис-

хождение и возрастание». Это замечание столь же верно в отношении к созданиям духа, как и к произведениям вещества. Обширные познания Аристотеля доказывают, что познания его предшественников не были совершенно пусты и ничтожны; развитая наука предполагает, что до нее была наука зачаточная.

Эти-то зачатки философии, эти первые понятия точных наук мы и постараемся отыскать и проследить в людях, работавших до Аристотеля и подготовивших его появление и торжество. В то же время мы попытаемся воскресить пред собою самих этих философов, излагая то, что сохранили нам древние авторы и предания относительно их жизни и личности.

Жизнь этих великих людей, преданных служению науке, не чужда приключений и даже драм, нередко потрясающих. По этому случаю мы не повторим выражения Кузена, что «философия зародилась в крови и слезах». Мы не думаем, что, для того чтобы сделать ее интересной, нужно преувеличивать число ее жертв. Одна жертва достаточна, чтобы предать поношению потомства всякую власть, посягающую на свободу человеческой мысли. Но нужно признаться, что, по свидетельству истории, если исключить Анаксагора, осужденного на смерть ареопагом и спасенного Периклом от исполнения приговора, и Аристотеля, добровольно изгнавшего себя из Афин после смерти Александра, чтобы избежать политических врагов, – смерть Сократа не имеет ничего себе

подобного в греческой и римской древности. Но после древних времен Молох, жаждущий крови свободных мыслителей, действительно пожрал немало жертв. В Средние века и даже до семнадцатого столетия сколько людей погибло мечом или огнем, искупая идеи, которым даже не ставили в вину то, что это были философские идеи, и которых все преступление состояло в несогласии с идеями властвовавших! Сколько костров было сожжено, сколько мук вынесено из-за простых теологических споров или из-за нелепых подозрений в волшебстве и магии!

В древности истинными врагами ученых и философов были общее невежество народа, некоторые предрассудки, например тот, по которому нельзя было прикасаться к трупам, наконец, необходимость покидать отечество, чтобы искать познаний в отдаленных местах, в известных семействах, наследственно сохранявших их предание как монополию, или в храмах, где жрецы ревниво скрывали их.

Эти путешествия, предпринимаемые в чистом интересе науки, не были притом дозволены каждому, а чего они стоили иногда философам, которые могли позволить себе эту роскошь!

Чтобы получить некоторые сведения от египетских жрецов, Пифагор должен был стать сам жрецом и подвергнуться сперва долгому и строгому искусу в храмах. Спустя потом несколько лет, попавши в руки персов, завоевавших эту страну, он был уведен ими в Вавилон как часть добычи Кам-

биза!

Демокрит, потративши большую часть своей долгой жизни в ученых путешествиях по Египту, Азии и островам Архипелага, воротился в Абдеры, богатый наукою и годами, но вовсе без денег. Любовь к науке стоила ему всего его имущества. Его сограждане применяют к нему закон, карающий детей, расточивших свое наследство, и долгое время он считается в глазах абдеритян безумцем за тот образ жизни, который он ведет.

Если бы нужно было присоединить другие имена, то мы указали бы на Ктезиаса из Книда, на Демокеда из Кротоны – двух ученых и знаменитых врачей, которые были призваны ко двору восточных деспотов и удержаны в плену именно по причине своей учености и тех услуг, который можно было из нее извлечь!

Вот каково было в начале греческого общества положение философов, даже тех, которые были настолько богаты, что могли путешествовать и искать познаний во всех иноземных святилищах. Дела шли таким порядком в шестом и пятом веке до христианской эры, то есть в то самое время, когда ионийская школа блистала всем своим блеском, и в Великой Греции основывалась школа Пифагора. Следовательно, можно себе вообразить, что делалось до этой славной эпохи, в тот долгий период, который ознаменован появлением так называемых *семи мудрецов*! Что мог тогда сделать человек, наилучше одаренный для науки, в особенности если к

другим препятствиям, останавливавшим его на каждом шагу, присоединялась бедность! Единственное, что ему оставалось, — уйти в самого себя, изучать человеческую природу по своей собственной и повторять с Виасом, одним из семи мудрецов Греции: *я все ношу с собою*.

Но то, что носил Виас, не могло доставить никаких элементов, полезных для науки, как мы ее понимаем теперь. Наука у древних *мудрецов* была совершенно внутренняя философия, мало чем отличающаяся от чистой морали, — элемент, который мы принуждены исключить из нашего биографического сборника, так как ему невозможно приписать никакого значения в истории научного прогресса.

Впрочем, бедность, как нам кажется, не составляла для философа древних времен более значительного препятствия, чем общее невежество народа. Не только философ не мог ждать никакой помощи от своих современников, но каждый еще старался обидеть его и помешать ему. Обыкновенно люди не уважают трудов, результат которых не известен заранее. Они охотно смеются над всем, что выше их понимания; иногда они этим тревожатся. Приключение Демокрита не единственное в своем роде, и примеры подобного рода можно найти не в одной невежественной древности. Немало ученых в наш век прогресса и просвещения нашли абдеритян в своих друзьях, а в особенности в своем семействе. Народное невежество есть, без сомнения, великое зло, от которого страдала древняя философия гораздо более, чем от

редких покушений, которые делала против нее общественная власть.

Школа, основанная Фалесом в Ионии, предварила и подготовила философию Сократа и Аристотеля – в этом нет сомнения. Но, в свою очередь, школа Фалеса сама должна была быть подготовлена идеями и наблюдениями, заимствованными от предыдущих веков.

«Афинская школа» – фреска работы Рафаэля Санти в Станца делла Сеньятура Ватиканского дворца (1510–1511 гг.). Среди изображённых персонажей – Аристотель, Платон, Евклид, Пифагор, Сократ и другие мыслители

Эта умственная генеалогия требуется логической необходимостью; но, ища прямых доказательств для нее, мы приходим в большое затруднение. В самом деле, мы здесь все лишены достоверных документов. История молчит, да и первый историк, сочинения которого дошли до нас, Геродот, писал только в пятом веке до Р.Х. Он мог, правда, почерпать указания из каких-нибудь предшествовавших ему писателей; но эти предшественники, которых мы едва знаем по имени, не могли доставить ему хороших сведений относительно фактов научного порядка, т. е. тех именно, которых происхождение нам хотелось бы знать.

Итак, если мы будем держаться одних светских писателей, то нужно обратиться к Геродоту за сведениями относительно неопределенно долгого периода, который мы называем *доисторическим*. Геродота нам рекомендуют и его прекрасные качества, за которые собравшаяся Греция присудила ему название *отца истории*. Его упрекают в несколько наивном легковерии, но никак не в недостатке правдивости и искренности.

Впрочем, может быть, его легковерие не подвергалось таким частым злоупотреблениям, как обыкновенно говорят. Геродот рассказывает много басен, которые он вынес из своих разговоров с египетскими жрецами, басен, главным образом относящихся к глубокой древности их законов, религии

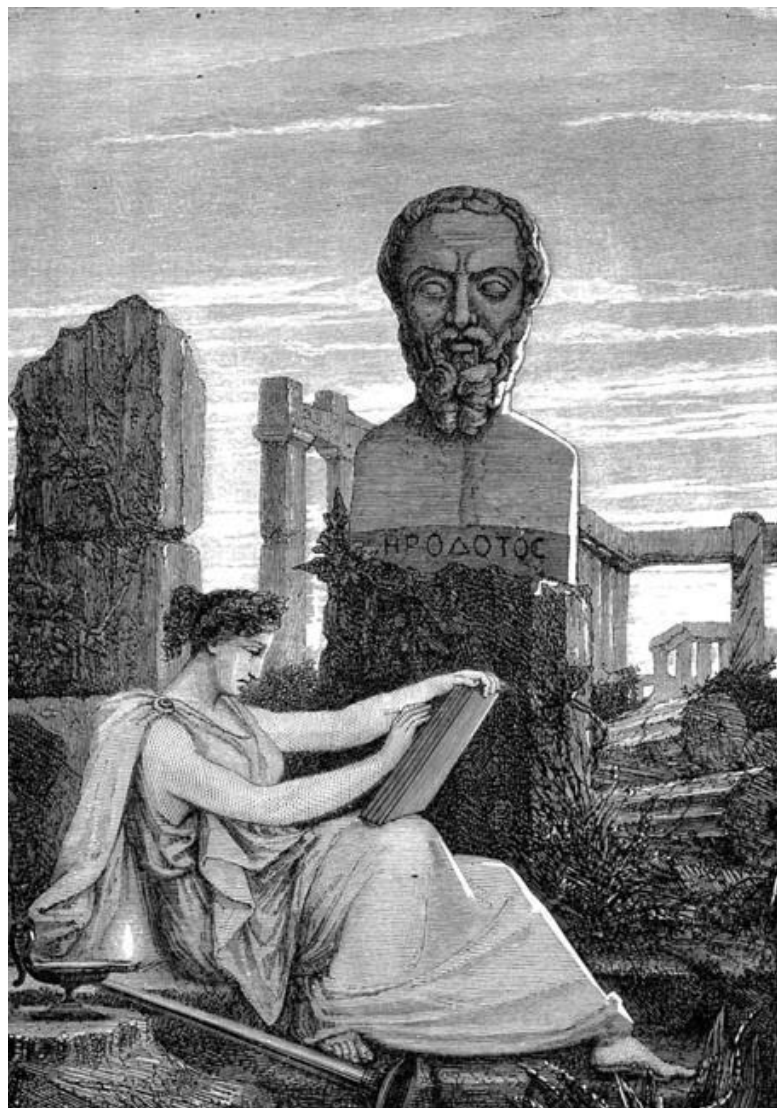
озных обычаев и династий. Но, если он передал нам химерические предания, то, с другой стороны, он собрал множество фактов, несомненно достоверных, несмотря на характер чудесного, делающий их подозрительными для современной критики. Не нужно забывать, что Египет был страной чудес и что правда, относящаяся к этой стране, везде в других странах показалась бы баснословием. Возьмем пример.

Если бы пирамиды, которые после стольких веков все еще возвышают свои гигантские массы в долинах Мемфиса и Фив, не существовали, кто из нынешних читателей не стал бы не доверять рассказам Геродота? Конечно, нашлись бы критики, которые на основании всякого рода доказательств стали бы оспаривать огромные размеры этих сооружений, для существования которых, по-видимому, так мало было поводов, что их действительное назначение до сих пор составляет предмет спора ученых.

Существует, впрочем, исторический памятник, который четырьмя или пятью веками старше творения Геродота: мы говорим о Библии, или, точнее, о пяти первых книгах Ветхого Завета, о так называемом *Пятикнижии*. Но безрассудно было бы примешивать к обыкновенной истории ссылки на факты истории народа, находившегося под непосредственным управлением Бога. Библия рассказывает, что порядок природы был часто нарушаем чудесами, действием сверхъестественных сил, не постижимыми для нашего разума. Мы поступим правильно, если не будем в настоящем случае сме-

шивать область науки с областью религии.

Кювье, однако же, в своей *Истории естественных наук* почел нужным упомянуть Моисея. Он считал законодателя евреев ученым-натуралистом. Хотя основания этого суждения слабы, но его нельзя вполне отвергнуть.

Моисей, человек высокого гения, получивший свое образование от египетских жрецов, должен был обладать наукой, хранившейся в египетских храмах. Народ, которого главою и руководителем он был, также должен был вынести некоторые познания из страны, которую он покинул. Иудеи, став идолопоклонниками на берегах Нила, сделали в пустыне золотого тельца, и раздраженный Моисей расплавил нечестивое изображение. И та и другая операция предполагают известные познания или владение некоторыми химическими приемами.

Моисей в своей пламенной и даже кровавой реакции против идолопоклоннического настроения своего народа отнял у него вкус к изящным искусствам. И науки мало процветали у евреев. Поэтому трудно найти в древности нацию, более невежественную, чем иудеи, даже во времена славных царствований Давида и Соломона. Свои дворцы и знаменитый Иерусалимский храм Соломон строил при помощи архитекторов, взятых у тирского царя. Тот же царь принужден был просить у Финикии инженеров для построения могучего флота, которым он покрыл море, и матросов для составления экипажа этого флота; ибо народ иудейский принес из страны фараонов и навсегда сохранил то отвращение к мореплаванию, которое у египтян долгое время составляло характеристическую черту.

Итак, история науки ничего не потеряет, если не станет черпать из библейских источников.

Мы обязаны, однако, указать на противоположное мнение ученого, обыкновенно не соглашавшегося с Кювье, но в этом случае превзошедшего его уважением к откровенной науке. В своей *Истории наук об организации* Бленвиль не только находит в Библии полную историю происхождения человека, но он видит в ней, сверх того, доказательства существования некоторой науки, которая родилась вместе с человеком, и если бы могла сохраниться, то избавила бы от многих трудов ученых, явившихся после первого человека и первого греха.

«Предания всех народов, – говорит Бленвиль, – согласно с откровенным Писанием и наукою утверждают, что человек был первоначально создан в состоянии совершенства, которое потом утратил. Будучи совершенен с самого начала, он не проходит через последовательное развитие различных возрастов; он был создан общественным, потому что такова его природа и его нормальное состояние. Его познания были велики, Бог был его наставником; вся природа была ему подчинена и знала его власть. Бог привел всех животных пред человека, который и дал им приличные имена, следовательно, составил всеобщую номенклатуру и разом достиг до совершенства законченной науки».

А немного далее: «Первый человек, так сказать, видел, как мир выходил из рук Творца; в продолжение девятисот

тридцати лет он наблюдал богатства и явления, которые небо и земля одно за другим представляли его чувствам. Возможно ли предполагать, что он не размышлял об отношении причин и действий, — он, бывший в столь близком сношении с великою причиною, с своим непосредственным отцом; что он, а также и его дети, не имели понятия о рождении мира, при котором он присутствовал? В течение его жизни были изобретены уже многие искусства, пелись стихи, употреблялись музыкальные инструменты. В земле умели находить жилы железа и меди и делать из металлов всякого рода вещи. Умели строить здания, города и наблюдать небесные явления; уму и трудам детей Сифа мы обязаны астрономией и геометрией, и они даже начертали свои звездные наблюдения на каменных столбах; по показанию Иосифа, в его время еще было два столба в Сирии»².

Великий богослов Боссюэт не шел дальше этого натуралиста девятнадцатого столетия. Он говорит только, что первые люди получили прямо от Бога первые понятия искусств, необходимых для их общественного существования.

Заметим, что сотрудником Бленвиля в его *Истории наук об организации* и, может быть, даже главным редактором был аббат Монье. Можно думать, что аббат Монье здесь прибавил от себя несколько идей к мыслям, которые излагал профессор на лекциях. Действительно, Бленвиль далеко не признавал всех толкований, содержащихся в этой книге; он хо-

² *Histoire des sciences de l'organisation. Paris, 1847, in-8°, t. I, p. 6.*

тел даже сделать второе издание ее, которое, говорят, было бы значительно исправлено.

Как бы то ни было, приведенные нами места из *Истории наук об организации* гг. Бленвиля и Монье доказывают, что не следует смешивать между собою область религии с областью философии.

Физика учит нас, что два луча света, встречаясь при известных условиях, в известной плоскости и под известным углом, по-видимому, уничтожаются, взаимно разрушаются, так что из совместного действия двух источников света рождается темнота. Наука и вера суть два великие источника света, которые в некоторых обстоятельствах, если мы вздумаем их соединить, могут также произвести тьму. Наука есть наука, вера есть вера. Постараемся сохранить в чистоте и неприкосновенности эти два могучие светила человеческой души и не будем ослаблять их, стараясь о согласовании!

Итак, возвратимся к нашим светским писателям и поищем у них указаний, следов, если не ясных фактов, движения науки в период, предшествовавший утверждению школы Фалеса в Ионии.

Но, прежде чем вопрошать историка Геродота, нужно обратиться к двум источникам более древним: мы говорим о Гомере и о его современнике Гесиоде, которые оба жили спустя около трехсот лет после Троянской войны, воспетой Гомером.

Древние поэты вносили в свои творения все нравствен-

ные, физические и религиозные познания своего времени. Эпическая поэма, сделавшаяся у новейших так бледною и пустою, была тогда родом сочинений, требовавшим самых обширных познаний.

Кроме своих литературных красот, *Илиада* представляет нам в высшей степени энциклопедический характер. Астрономия, география, самая статистика, естественная история, промышленность, медицина, ботаника, архитектура, живопись, все изящные искусства, и даже искусства механические и просто полезные, – вот элементы, входящие в это обширное создание вместе со многими другими, исчислять которые было бы слишком долго. Каждый ученый может распознать в нем следы науки, которою занимается.

Две поэмы Гомера, *Илиада* и *Одиссея*, сильно поразили в научном отношении внимание Кювье.

«Мы видим, – говорит этот ученый, – из поэмы Гомера, что в его время науки и искусства сделали великие успехи. Торговля с Колхидою доставила грекам различные богатства, металлы, красильные вещества, всякого рода производства; они умели ковать и закаливать металлы, нарезывать и золотить оружие, выделять ткани и окрашивать их в блестящие цвета. Скульптура, архитектура и живопись также были изобретены. Естественная история не была совершенно неизвестна, и ее сведения, по-видимому, были общераспространены, так как в поэмах Гомера мы встречаем множество указаний на врачебные свойства растений и очень вер-

ных наблюдений над нравами и привычками животных. Например, сравнение Аякса, преследуемого простыми воинами, со львом, на которого нападают шакалы, совершенно согласно с тем, что нам известно теперь о характере этих животных»³.

Довольно странный факт! В *Илиаде*, посвященной преимущественно воспеванию воинственной доблести героев Греции, наименее развитою наукою оказывается военная наука. Осада Трои вовсе не похожа на осаду города, как мы разумеем ее теперь. Между осажденными, стоящими на оградах, и осаждающими, расположенными лагерем возле своих судов, остается постоянно свободный промежуток, наполняющийся только тогда, когда греки и троянцы, пешком или на колесницах приходят сражаться, как атлеты в цирке. Сильные удары копьем, стрелы, пускаемые с большим или меньшим искусством, – вот в чем состояло сражение, повторявшееся целых десять лет! Вокруг города нет ни ям, ни валов; не делается никаких приступов, нет никаких военных машин. Нужно считать не за машину, а за орудие воинской хитрости знаменитую *лошадь*, в которой греческие военачальники, после десятилетней осады, сумели заставить самих троян перетаскать себя через стены Трои.

Что касается тысячи двухсот кораблей, из которых состоял союзный флот, то рассказ Гомера достаточно доказывает, что, несмотря на знаменитую экспедицию аргонавтов, искус-

³ *Histoire des sciences naturelles*, 4e leçon, in-8°. Paris, 1841, t. I, p. 6.

ство мореплавания было столь же мало развито у греческих народов, как и тактика. «Самые большие корабли, – говорит поэт, – могли вмещать в себе до ста двадцати человек». Приблизительно это величина нынешних катеров.

Хотя Дедал уже изобрел топор, бурав и пилу, но не видно, чтобы прибегали к этому последнему орудию при постройке кораблей, перенесших греков в Троаду. Как оружие воинов, так и другие инструменты были из меди, которой придавали твердость закалом; ибо бронза (сплав меди и олова) была известна лишь позднее, и древние отлично умели делать то, что мы делаем довольно дурно, – т. е. закалять медь посредством быстрого охлаждения металла, нагретого докрасна. В эпоху Троянской войны железо было известно, но еще не найдено было искусства очищать его и делать ковким, так что этот металл не входил тогда в состав инструментов и орудий. То есть механические искусства были лишены своего первого агента, ибо железо есть душа промышленности.

Впрочем, *Илиада* и *Одиссея* свидетельствуют также, что искусство плавить и соединять металлы, умение резать их и гравировать на них существовало у самых древних народов Греции и Азии. Работы Вулкана, описанные Гомером, дают понятие о металлургии уже весьма развитой. Даже допуская некоторое поэтическое преувеличение в том, что говорит Гомер о троянской Минерве и о великолепии золотых статуй, украшавших дворец Антиноя, невозможно не видеть в этом описании доказательства существования металлур-

гии, сделавшей уже в то время великие успехи. В этом случае, как и во всяком другом, преувеличение всегда указывает на некоторую действительность. Где бы взял Гомер то, что он нам рассказывает об оружии и металлах, служащих для его выделки, если бы в его время не существовало ничего подобного? Утверждали, что Гомер перенес во времена Троянской войны понятия, бывшие в ходу в то время, когда он писал свои бессмертные поэмы. Дело возможное, но все-таки приходится признать, что в его время, т. е. около тысячи лет до Рождества Христова, резьба и гравирование уже процветали в городах Малой Азии.

Тот же поэт, столь великолепно описавший щит Ахиллея, приписывает также и обитателям Азии очень богатое и отличной работы вооружение. Из него мы узнаем также, что в Греции было тогда много артистов, приготавливавших очень изящную мебель и накладывавших на нее слоновую кость тонкими пластинками, точно так, как у нас накладывается красное и палисандровое дерево. В *Илиаде* мы не встречаем того различия, часто весьма произвольного, которое мы делаем между ремесленником и артистом. Гомер и для того и для другого употребляет одно слово: *художник*. Поэт удивляется только одному – таланту выполнения. Отлично сделанная колесница вызывает с его стороны столько же внимания и, можно сказать, почти те же похвалы, как и статуя и превосходное произведение скульптуры. Благодаря этому беспристрастию Гомер в бесконечном разнообразии описы-

ваемых им предметов открывает нам картину промышленности до того высокой, что во многих случаях она сливается с искусством.

Многие места Гомера доказывают, что медицина уже действовала весьма успешно, если не во времена Троянской войны, то по крайней мере в эпоху, когда были созданы обе поэмы.

Искусство врачевания было сперва принадлежностью богов, царей и героев. Это значит, что признательность народов возвела в сан богов людей, которые наиболее отличились в медицине и хирургии. Если мы отнесем к баснословию все врачевания, упоминаемые и объясняемые в *Илиаде* вместе с указанием средств лечения, то следовало бы отрицать также и существование всех этих храмов, в которых служили жрецы Эскулапа и которые почти всегда воздвигались в соседстве какого-нибудь минерального источника. В силу этой недоверчивой логики следовало бы отрицать существование даже самых знаменитых из этих храмов, тех, которые превратились в настоящие клиники, каковы, напр., храмы Коса и Книда, уже в первые времена философской эпохи давшие науке Гиппократу и Ктезиасу.

Но существуют прямые доказательства, что Гомер и Гесиод сами обладали некоторыми точными сведениями в медицине и в естественной истории. Мы уже указали на мнение Кювье относительно Гомера. Тот же ученый признает, что Гесиод вполне верно излагает врачебные свойства мно-

гих растений, которых имена приводятся им в поэме *Часы и дни*⁴.

Эта поэма, разделенная на две песни, говорит о земледельческих работах: она была как бы зародышем той, которую Вергилий сочинил для римлян с гораздо большими подробностями, под названием *Георгик*. В этом поэтическом творении Гесиод старается указать на времена, наиболее благоприятные для полевых работ. Он хочет, чтобы в этом случае руководились *солнечным* восхождением звезд. Из этого совета Гесиода нужно заключить, что у греков тогда было два рода годов: лунный год, год астрономов, и солнечный год, которому следовать земледельцы находили удобнее, так как он лучше указывал времена года.

Поэмы Гомера и Гесиода были для всех греков двумя великими источниками наставления и воспитания. Эти поэмы были изъясняемы и истолковываемы *рапсодами*, которые читали отрывки из них, ходя из города в город, из селения в селение. Позднее, когда искусство писать дало возможность делать списки, *Илиада* и *Одиссея* заняли первое место между предметами преподавания в школах. По ним дети учились писать, юноши обучались поэзии и красноречию. Эти книги всего усерднее читались также вне школ лицами всякого рода. Политические люди непрестанно вдумывались в Гомера, как в самого лучшего наставника в искусстве руководить народами. Можно сказать, не преувеличивая, что поэма Го-

⁴ В современном переводе «Труды и дни». — *Примеч. ред.*

мера была *Библией* древних греков. Это была книга, которая по преимуществу могла заменить все другие книги и представляла собою целую библиотеку в стране, где ни общество, ни частные лица еще не пришли к мысли составлять коллекции рукописей, впоследствии получившие от Аристотеля это имя.

Итак, первые философы у греков были поэты. В Древней Греции никакой предрассудок не препятствовал Гомеру и Гесиоду считаться философами и учеными. В ту эпоху, когда они жили, и даже много веков спустя, философия и наука постоянно были излагаемы в стихах.

Гомер и Гесиод сохранили свое положение в греческих школах до появления Платона. Этот философ первый предложил исключить поэтов не только из школ, но и из республики, или, говоря правильнее, из своей республики. Уже Пифагор, в Великой Греции, восставал против Гомера, но не с такою силою. Что касается причины этих нападений, то едва ли она не заключается просто в соперничестве, в которое философы по профессии и начальники школ должны были вступать с этими философами-поэтами.

С Гомером и Гесиодом мы могли проследить науку доисторического периода только в Греции и в некоторых странах Малой Азии. Чтобы видеть ее в других местах, возвратимся к Геродоту.

Мы сказали, что *отец истории* путешествовал по Греции, по Египту и Ассирии. По свидетельству Плиния, только в

этих трех странах астрономия была изучаема с некоторым успехом.

Быть может, этими тремя странами следует вообще ограничить серьезную обработку всех других наук. Персы, углубившись в отвлеченные и метафизические умозрения, сами отдалялись от научного движения, порождавшего у их соседей некоторые полезные изобретения. Существование китайцев было совершенно неизвестно, так как об этом народе нигде не говорится в древних историях. Баснословный поход Бахуса один напоминает недолговременные сношения, которые Греция, будучи еще варварскою, может быть, имела в туманной древности с индусами.

Народы Индии, конечно, обладали наукою, или, лучше сказать, научным богословием; но немного, что знали об этом греки, так походило на то, чему учили в египетских храмах, что единственный вопрос, занимавший греков, был: «Египет ли учился у Индии, или Индия у Египта?»

Теперь, когда известно об Индии гораздо больше, чем могли знать о ней древние греки, тот же вопрос еще разделяет ученых. Кювье пробовал его разрешить, вводя в дело средний термин, вавилонян. Предоставим говорить ученому автору *Истории естественных наук*.

«Когда мы сравниваем, — говорит Кювье, — историю индийцев, вавилонян и египтян, мы несомненно видим, что между ними существовали постоянные сношения от самого начала и что даже это начало должно быть общее. В са-

мом деле, у всех трех народов мы находим одинаковые метафизические и религиозные верования, сходное политическое устройство, тот же архитектурный стиль, те же эмблемы для облечения покровом их верований, имеющих очевидную аналогию. Эмблемы вавилонян менее известны, чем эмблемы египтян и индийцев; но последние, переданные нам или греками, или творениями самой Индии, известны нам вполне.

Не стану, однако же, настаивать на этом сходстве. Так как предмет метафизики один и тот же для всех людей, то может показаться естественным, что многие народы отдельно достигали той же самой системы религиозной философии. Можно так же легко предположить, что эти народы приняли одинаковые эмблемы, так как вообще эти эмблемы берутся от существ, всего обыкновеннее окружающих человека.

Но тождество политического устройства всего удивительнее и могло произойти только вследствие частых сообщений. В Индии народ был разделен на четыре главные касты. Первая — каста браминов, наиболее почитаемая и могущественная. Члены ее были обладателями науки и служителями религии или закона, и им одним принадлежало право читать священные книги. Вторая каста была каста воинов. Ее обязанность была защищать страну, и ей принадлежала привилегия слушать чтение священных книг. Купцы составляли третью касту, и между ними было столько подразделений, сколько есть видов торговли. Наконец, четвертая каста со-

стояла из ремесленников, земледельцев и других людей низшего разряда, и в ней было столько наследственных подразделений, сколько было ремесел или видов труда.

Этому общественному устройству, которое не иначе могло быть утверждено, как могучим гением и необыкновенными средствами, мы находим полное подобие в Египте. Египетские жрецы, подобно браминам, обладатели наук и религии, кроме того, подобно им употребляли особый язык, знание которого доставляло им высокое уважение; их репутация была даже столь велика, что у всех народов была славна мудрость этих жрецов. То, что нам известно относительно политического устройства вавилонян, так же вполне согласуется с организацией индийского общества.

Пирамидальная форма древних памятников этих трех народов еще лучше, может быть, чем одинаковость их политического и религиозного устройства, доказывает их взаимные сношения или их общее происхождение, ибо нет ничего менее определенного и более произвольного, как форма здания: невозможно предполагать, чтобы сходство этой формы было результатом естественного развития человеческих способностей.

Наконец, эти три народа сходны были и по географическому положению. Они жили в обширных и плодородных равнинах, близ больших рек, удобных для торговых сообщений»⁵.

⁵ Т. I, 2-e leçon, p. 23–26.

Несколько далее Кювье в заключение прибавляет: «Постоянно останавливаемые вторжением варваров, науки не могли развиваться на Востоке. Благоприятные условия для своего развития они нашли, только проникнув на Запад через посредство греков, посещавших Египет. Индийцы не содействовали прямо общей цивилизации, ибо, хотя они были *вновь найдены*, когда мы обогнули мыс Доброй Надежды, их древнее состояние и развитие их познаний стало нам известно лишь двадцать лет назад, т. е. с тех пор как мы научились понимать их священные книги, самое обнаружение которых очень трудно, так как оно воспрещено их религиозным законом.

Тем не менее, вероятно, науки первоначально зародились в Индии. Различные соображения подтверждают это мнение»⁶.

Итак, мы можем принять с достоверностью, что молчание Геродота и других писателей древности о состоянии наук в Индии во время доисторического периода не скрывает от нас ничего важного. Мы найдем на берегах Нила верную картину цивилизации, процветавшей тогда в долинах Инда и Ганга. По справедливому замечанию Кювье, именно вследствие сношений древних греков с Египтом мы можем получить некоторые сведения о верованиях, идеях, занятиях, науках, искусствах – одним словом, о всем, что составляло умственную жизнь страны фараонов за семь веков до христи-

⁶ 4-e leçon, p. 28–29.

анской эры.

Геродот не первый из греков посетил Египет, но он один исследовал его как будущий историк.

О научном свойстве вопросов, которые он должен был предлагать египетским жрецам, своим гостеприимным хозяевам, можно судить по ответу, данному одним из них: «Египет есть дар Нила». Египетские жрецы, которые, подобно своим собратам Халдеи и Индии, любили говорить эмблемами, не были вовсе чужды положительной науки, так как они понимали способ происхождения и геологическое строение почвы своей страны.

Древние египтяне особенно славились своими астрономическими познаниями. Но в этом роде познаний им предшествовали халдеи, и наблюдения их обнимали действительно огромный ряд годов, так как, по показанию одного из комментаторов Аристотеля, Симплициуса, во время экспедиции Александра Каллисфен получил от халдейцев и переслал Аристотелю ряд наблюдений, из которых самое древнее восходило за тысячу девятьсот лет назад!

В сочинении, посвященном Вольтеру, под названием *Письма о происхождении наук*⁷ Бальи старается доказать, что существовал в глубокой древности народ, обладавший обширными научными познаниями, особенно астрономиче-

⁷ *Lettres sur l'origine des sciences et sur celle des peuples de l'Asie, adressées à M. de Voltaire par M. Bailly, et précédées de quelques lettres de M. de Voltaire à l'auteur.* 1 vol. in-8°. Londres et Paris, 1777.

скими. Этот народ, названия и положения которого Бальи не определяет, был, может быть, халдеи.

Бальи писал Вольтеру: «Я все желаю, чтобы вы верили в мой древний погибший народ. Мы согласны относительно астрономических фактов; они верны. Я старался соединить их, представить их с точки зрения наиболее удобной для показания хода и прогресса человеческого ума. Мы расходимся только в некоторых идеях, изложенных мною в начале моего сочинения об истории древней астрономии... Они относятся к тем древним и, так сказать, первобытным временам, которые в своей тьме содержат изобретение вещей...

Я сказал, что, рассматривая со вниманием состояние астрономии в Китае, в Индии, в Халдее, мы находим скорее остатки, чем элементы науки. Если вы видите домик крестьянина, построенный из голышей, смешанных с обломками прекрасной архитектуры, не заключите ли вы, что это остатки дворца, построенного архитектором, более искусным и более древним, чем обитатели этого дома? Народы Азии, наследники некоторого предшествовавшего народа, имевшие развитые науки, или по крайней мере развитую астрономию, были хранителями, а не изобретателями»⁸.

Деламбер, хороший геометр-астроном, но менее Бальи сведущий в истории, с жаром восстал против этого мнения и опровергал его весьма плохими доказательствами.

Деламбер не знал состояния наук у древних индийцев.

⁸ *Lettres sur l'origine des sciences*, с. 17–19.

Либри в своей *Истории математических наук* решительно доказал это. Если бы дело шло только о принятии того или другого из двух противоположных мнений, то мы стали бы на сторону Бальи, отвергая, однако же, его идею первобытного народа, исчезнувшего во тьме прошедшего. Всеобщая история кажется нам весьма скудною сравнительно с пространством земель, обитаемых людьми с незапамятных времен, и с длинным рядом протекших веков; мы приведем, однако же, более или менее неполные свидетельства, доставляемые нам историей.

Около пятого века до начала нашего летосчисления, когда Геродот посетил Вавилон, он нашел огромный город, нечто вроде Лондона, Парижа или Пекина. Эта азиатская столица была наполнена памятниками, уже очень древними. Знаменитая *башня Бела*, имевшая такую огромную высоту, могла ли быть чем-нибудь иным, а не великолепною астрономическою обсерваториею? Как мы сказали выше, халдеи имели собрания наблюдений над звездами, восходившие за тысячу девятьсот лет назад. Во времена Александра греки, бывшие еще весьма несведущими в астрономии и притом не могшие выйти из тесного круга своих космогоний, получили из рук Каллисфена астрономические наблюдения, сделанные в Халдее, но не умели ими воспользоваться. Каллисфен нашел их в Вавилоне; не заставляет ли это предполагать, что в этом громадном и весьма древнем городе существовали первые астрономы и что в Халдее астрономические наблюдения

производились с самых отдаленных времен?

Можно даже предложить себе вопрос, не открыли ли халдеи действительной системы мира, т. е. неподвижности Солнца и движения Земли и мелких планет вокруг центрального светила? Следующее обстоятельство если не доказывает этого, то дает возможность предполагать.

Ни Гиппарх, ни Птоломей ничего не говорят о кометах: они даже не называют их. Между тем Сенека в своих *Вопросах о природе* вполне объясняет, что это – блуждающие светила, пробегающие пространства по общим и постоянным законам.

«Кометы, – говорит римский автор, – суть вечные произведения природы. У них есть известный путь; они удаляются, но не перестают существовать. Если для них нет зодиака, то это потому, что небо свободно во все стороны и что повсюду, где есть пространство, может быть движение. Неизвестно, появляются ли они вновь через правильные промежутки; их появление редко; люди могли до сих пор исследовать течение пяти планет; настанет день, когда усилия многих веков откроют вещи, ныне сокрытые. Тогда определят, в какую область удаляются кометы, почему они так далеко уходят от других светил, каково их число, величина и пр.».

Сенека не был ни геометром, ни астрономом. Такое мнение не приходит вдруг и случайно в голову человека. Следовательно, Сенека только выражает здесь мнение, которое греческие писатели его времени и прежних времен приписы-

вали древним халдеям. То же можно сказать, и еще с большей уверенностью, об истинной планетной системе. Почему халдеи не могли прийти до открытия истинной системы мира вследствие своих тысячелетних наблюдений, если Коперник, конечно, не имевший в своем распоряжении тех средств исследования, какие были у халдеев, достиг, помощью одних общих идей, наследованных от Халдеи, и фактов, занесенных в *Алмагесту* Птолемея, до открытия или, вернее, как он сам говорит, до восстановления найденной древними истинной системы мира?

Как бы то ни было, халдеи и египтяне, по-видимому, с незапамятных времен занимались астрономией. Эта наука была им необходима не только для земледельческих работ, но также для определения времени религиозных празднеств. Для этих двух целей точное разделение времени было настоятельно нужно, а этого разделения можно было достигнуть только посредством точного познания периодического движения небесных тел.

Из того, что говорит Геродот, по-видимому следует, что египтяне первые разделили год на двенадцать месяцев. Они основывали это разделение на фазах Луны, светила, наиболее удобного для наблюдения. Итак, год был *лунный*; он обнимал лишь период в триста пятьдесят четыре дня вместо трехсот шестидесяти пяти, составляющих средним числом наш теперешний год. Отсюда происходило, что после шестидесяти или семидесяти лет порядок времен года совершен-

но извращался. Зима была тогда, когда в египетских календарях стояло лето, и наоборот.

Имея перед глазами такое явное доказательство своей ошибки, египтяне стали наблюдать, чтобы лучше определить течение времен года и продолжительность года. Это был путь, который должен был привести к верному результату, хотя и не скоро. Первая попытка состояла в том, что год положили в триста шестьдесят дней, разделенных на двенадцать месяцев одинаковой длины. Разница с истинным годом была еще значительна; поэтому повторилось прежнее явление. Времена года снова стали заходить одно в другое, но порядок их извратился только по истечении тридцати четырех лет. Принялись за новое изучение, исправили предыдущие наблюдения и наконец составили год из трехсот шестидесяти пяти дней; расчет верный, за исключением маленькой разницы, замеченной самими египетскими астрономами.

Конечно, это был прекрасный результат, в действительности которого невозможно сомневаться, так как о нем свидетельствует история, Юлий Цезарь, возвратившись в Рим после взятия Александрии, где он совещался с жрецами этого города, приказал переделать римский календарь, который и расположили по египетскому году.

Подобно вавилонянам и индийцам, египтяне не умели предсказывать солнечных затмений; но они приблизительно предсказывали лунные затмения, именно полные. Так как

эти явления повторяются периодически, чрез каждые восемнадцать лет (точнее – чрез 18 лет 11 дней), то можно было предвидеть их возвращение, не обладая теми познаниями, посредством которых новейшие ученые предсказывают затмения с удивительной точностью.

Египтяне занимались математикой; но не видно ни из чего, чтобы они сделали большие успехи в этой науке, кроме тех, которые относятся к прикладной механике. Невозможно подвергнуть сомнению их познания в практической механике. Стоит вспомнить их колоссальную архитектуру, эти огромные куски гранита и сиенита, которые были отрываемы ими от гор, соседних с Нилом, переносимы вдаль посредством каналов этой реки и воздвигаемы посреди песчаных долин; все это делалось способами, нам неизвестными, но, конечно, найденными неслучайно.

Можно сказать, что повсюду, где искусства достигли до известного совершенства, науки должны были сделать соответственные успехи. Есть необходимая связь между этими двумя обнаружениями человеческого гения. Можно ли допустить, чтобы без начал механики и геометрии египтяне могли воздвигнуть столько исполинских памятников и с точностью измерять землю, – дело для них важное по причине разливов реки, каждый год уничтожавших межи полей? Можно ли предположить, чтобы без этих наук они могли вырыть озера огромной величины, устроить каналы для распределения вод Нила, построить и употреблять в дело вся-

кого рода искусные и сильные машины? Между машинами, устроенными древними египтянами для измерения времени и обращения светил, есть такие, которые требовали не только познаний, но и гения.

Медицина египтян, столь восхваляемая Ксенофонтom и другими греками, была задерживаема в своем успехе духом касты, в особенности же законом, который, может быть, спасая жизнь больных, ограничивал врачебное искусство почти одним благоразумием. Всякое лекарство, имевшее успех в лечении, было записываемо в храмах. Из всех таких испытанных средств составляли список, почти так, как у нас пишут Codex для употребления фармацевтов. Если медик употреблял лекарства, вписанные в эту священную книгу, он не отвечал ни за что, даже если бы больной умирал. Он мог, впрочем, пробовать и новые средства; но только, если больной в этом случае умирал, закон требовал, чтобы медик следовал за ним.

Понятно, что при таком законодательстве медик редко желал испробовать новое лечение или новое лекарство. Поэтому успехи медицины в Египте были ничтожны.

Вскрытие трупов было у древних египтян запрещено и даже считалось святотатством. Итак, анатомии они не знали. Между тем этот народ издревле был знаменит искусством бальзамирования. Так как закон предписывал производить бальзамирование, не вскрывая трупов и даже не открывая черепа, то операция была трудна; она требовала химических

приемов, которые нам неизвестны.

С незапамятных времен египтяне умели обрабатывать железо. Они готовили из него всякого рода орудия и инструменты. По странному исключению, самое полезное из своих орудий, плуг, они делали из дерева. В течение многих веков египтяне не хотели изменить устройства этого существенного орудия земледелия, боясь оскорбить Изиду, которой они приписывали его изобретение.

Заключим несколькими словами о египетской философии. Об ней мало известно. Как у всех народов Востока, она сливалась с теологией и исчезала под эмблемами, из которых многие были собраны Гарополом, греческим грамматиком из Панокла. Это настоящие ребусы, которые не столько были прочитаны, сколько угаданы латинскими и французскими переводчиками. Все, что можно отыскать ясного в египетской философии, заключается в том, что она восходила к первым причинам и признавала верховное существо, изображаемое в виде человека, который держит скипетр и из уст которого выходит яйцо.

Это яйцо, символ мира или, скорее всего, что в мире рождается, произрастает, организуется, является, впрочем, во всех восточных теологиях: у вавилонян, персов, индийцев и даже у китайцев. Символическое яйцо этих народов стоит наряду со змеем, который встречается во всех древних теологиях и даже у народов нового мира.

Нам остается сказать еще об одном народе, который также

находится на пути Греции и Египта и, по-видимому, разнес по различным нациям драгоценные элементы цивилизации. Дело идет о финикийском народе.

Известно, что финикиянам принадлежит слава замены идеографического письма фонетическим. Египетские жрецы отвергли это завоевание рождающейся цивилизации. Они предпочли сохранить символическое письмо как некоторый покров, полезный для их целей. Но народы греческого племени, не имеющие подобных причин для отвержения столь драгоценного благодеяния, поспешили принять алфавит, созданный финикиянами.

Одно это изобретение уже было бы достаточно для славы этого народа. Но нужно прибавить, что, будучи искусными мореплавателями, финикияне употребляли якоря для своих судов и умели определять свой путь по течению звезд и по различному виду неба.

Никакая другая нация не могла оспаривать у финикиян обладание морем. К ним нужно было обращаться за кораблями и матросами. Объездивши и исследовавши берега Средиземного моря, основавши колонии в Сицилии, в Сардинии и в Испании, финикийские мореплаватели решились пройти за Геркулесовы столбы. Они первые пустились в океан. Они проникли в гавани Галлии около тысячи двухсот лет до христианской эры. С практикой мореплавания связано немало различных познаний, и логика требует, чтобы мы их приписали финикиянам.

Огромные богатства, приобретенные торговлей, развили в высшей степени роскошь и вкус у обитателей Финикии. Всем известно, что им принадлежит изобретение пурпура, удивительного красильного вещества, столь любимого богатыми римскими патрициями. Город Тир был описываем еврейскими пророками как самый богатый и самый красивый город того времени.

Этими похвалами и свидетельствами удивления чужих народов да немногими указаниями древних писателей, к несчастью, ограничивается все, что известно о финикиянах. Грозный Александр, разоривший Тир, разом уничтожил памятники этой нации. Можно сказать, что он вычеркнул ее из истории. Блестящая и могущественная колония финикиян на берегу Африки, Карфаген, подвергся потом той же участи, как и Тир, его метрополия. Римляне одинаково уничтожили огнем его граждан, его стены и его архивы. Таким образом, ничего не осталось от этого народа, который, по древности своей цивилизации, был учителем и руководителем всех последовавших за ним народов.

Теперь мы наконец достигли эпохи, когда в Греции была основана школа Фалеса, так называемая *Ионийская* школа, или, вернее, эпохи семи *мудрецов*, между которыми уже блистали два великих человека, Фалес и Солон. Начинается новая эра для греческой цивилизации. Первый период, тот, который мы называли *доисторическим*, окончился. Люди, жизнь и труды которых мы станем рассказывать, начали

собою *философский период*, т. е. период, когда философия, вышедши наконец из храмов, где так долго она скрывалась в темноте, распространяется по всей Греции, а отсюда переходит в значительную часть Европы и Азии.

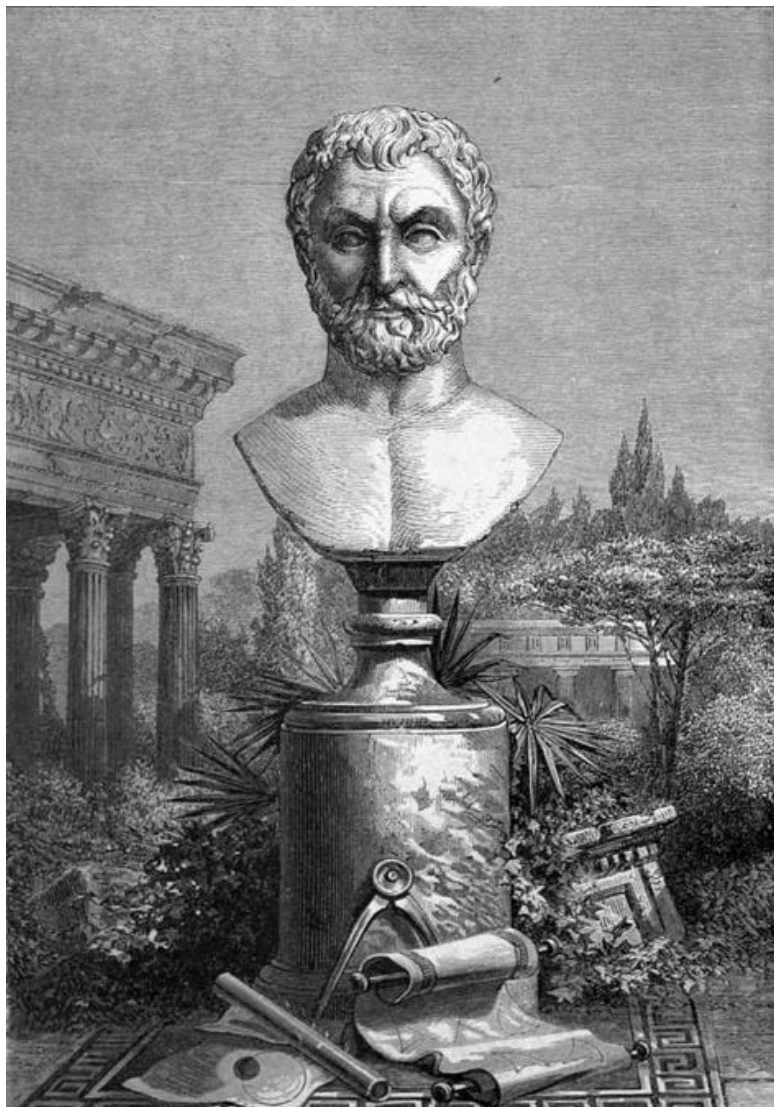
Фалес

Имя Фалеса небызвестно нашим ученым специалистам, т. е. физикам, химикам и натуралистам. В каждом трактате физики говорится, что этому философу мы обязаны первым наблюдением электрических явлений. Фалес открыл, говорится в физиках, что, если потереть янтарь, он начинает притягивать легкие тела. Там же упоминается, что он считал воду единственным началом, из которого образован мир.

Этим ограничиваются познания наших преподавателей физики, следовательно, и их слушателей об основателе Ионийской школы. Мы надеемся изложить здесь более верно и пространно познания этого знаменитого ученого.

Фалес родился в Милете, городе Малой Азии, самой знаменитой из ионийских колоний, в тридцать восьмую олимпиаду (около 630 до Р.Х.).

Плодоносные берега Ионии, эти счастливые берега, которые простираются вдоль моря, омывающего Европу и Азию, видели рождение этого человека, которому суждено было вывести из храмов философию и науку и разлить по всему миру их бесценные благодеяния.

Греческие биографы, имеющие обычай все относить к своей земле и в особенности к Афинам, говорят, что Фалес, первым заслуживший имя *мудреца*, процветал при архонте Дамазиасе и что в то же время другие мудрецы получили это название.

Так как название *мудреца* будет часто встречаться в нашем рассказе, то небесполезно будет указать на историческое значение этого слова в древности.

Название *мудрецов* дано было несколькими лицам, которые в шестом веке до Р.Х. прославились в Греции и в Малой Азии своими талантами и своими добродетелями. Но этот титул не был дан им при жизни: это почестъ, которую воздало им признательное потомство. Не все эти *мудрецы*, впрочем, были учеными, хотя этому слову долго придавалось такое значение. Аристотель говорит относительно этого предмета следующее в шестой книге *О морали к Пикомаху*: «Из того, что мы сказали, следует, что мудрость есть знание и понимание вещей, наиболее почтенных по своей природе. Вот почему говорят, что Фалес и Анаксагор и другие были *мудрецы*; это не то, что благоразумные, так как они пренебрегали своими собственными выгодами, зная в то же время вещи излишние, удивительные, трудные для познания и божественные, но, как говорится, бесполезные, и так как они не стремились к человеческим вещам, особенно к тем, которым

дает большой вес благоразумие».

Сами древние далеко не были согласны относительно имени и числа граждан, заслуживших название *мудрецов*. Обыкновенно их считают семь; число это иногда возвышают до десяти и даже до пятнадцати. Самые знаменитые были: Солон, Фалес, Виас, Хилон, Питтак, Клеобул, Анахарсис и Периандр.

Солон и Фалес одни только из этого числа были действительно ученые. Другие были только люди, превосходные по своим достоинствам, или только *благоразумные*, как говорил Аристотель. Они обязаны были своею славою своему здравому смыслу и, без сомнения, глубокой опытности, которую употребляли в свое собственное благо, а также во благо народов, так как многие из них были цари или из царских семейств.

«Рассказывают, – говорит Плутарх, – что семь мудрецов сошлись вместе в Дельфах, а в другой раз – в Коринфе, куда Периандр созвал их на пиршество»⁹.

Плутарх не ограничился одним упоминанием этого баснословного пира. Он сочинил целый разговор, называемый *Пир семи мудрецов* и составляющий часть его *Моральных сочинений*.

Плутарх предполагает, что человек пятнадцать философов сошлись в Коринфе на пиру, данном Периандром. Эти

⁹ *Vies des Hommes illustres*, traduction d'Alexis Pierron. In–18 (édition Charpentier): *Solon*, т. I, с. 184.

люди никогда еще не встречались вместе, из чего видно, что Плутарх имел в виду только приятную философскую фантазию, только тему для прекрасных и интересных разговоров. На этом гипотетическом пиру они не все сидят за одним столом; они входят и выходят, рассуждая о самых возвышенных началах философии или о событиях, важных в истории их времени.

Пир семи мудрецов древности. Гравюра XIX в.

На рисунке против этой страницы читатель видит пир, выдуманный Плутархом. Периандр и его жена, как амфитрионы праздника, сидят на почетном месте. Позади их Анахар-

сис; Фалес стоит, заправляя разговором. Позади его виден Питтак и Солон. У ног этого последнего Эзоп. В самом деле, в тексте Плутарха сказано: «Эзоп сидел на очень низком сиделище, ниже Солона»¹⁰. На заднем плане Виас, Анахарсис и Клеобул.

Поспешим прибавить, что этого Периандра следовало бы вычеркнуть из списка мудрецов, и очень странно, что Плутарх поместил собрание семи мудрецов во дворце и под покровительством подобного тирана. Периандр был отчаянный злодей, тиран худшего свойства. В Коринфе, своем отечестве, он захватил абсолютную власть и поддерживал ее огнем и железом. Он убил свою беременную жену, ударив ее ногой, отчего она упала с высоты своей комнаты во двор дворца. Он сжег живыми своих наложниц, подозревая их в ложных изветах на добродетель его жены. Он выгнал и лишил наследства своего сына за то, что юноша оплакивал смерть своей матери. Наконец, так как жизнь ему стала в тягость, он решил прекратить ее. Но, боясь, что его память будет проклинаема и позорима, он выдумал следующее сочетание злодейств, для того чтобы его подданные не знали, что сделалось с его телом.

Он призвал двух преданных слуг и велел им во время ночи отправиться на некоторую пустынную дорогу.

«Вы убьете, – сказал он им, – первого человека, которого встретите, и зароете его тело».

¹⁰ *Le Banquet des sept Sages*, traduit par Laporte du Theil, in-8°, c. 216.

Потом он приказывает четверем другим слугам идти на ту же дорогу, убить двух людей, которых они там найдут, и точно так же погребсти их.

Другие слуги, посланные им, убили в свою очередь и этих четырех убийц.

Вот как коринфский тиран был умерщвлен и зарыт, так что никто не мог узнать, что случилось с его телом. Это не помешало ему, однако же, остаться в числе семи греческих мудрецов.

Несмотря на свои злодеяния, Периандр писал прекрасные нравственные правила и, что еще хуже, перелагал их в стихи. Мы приведем некоторые из этих правил, не столько, чтобы доказать контраст, существующий между словами и действиями тирана, сколько для того, чтобы дать понятие, в чем состояла философия этих греческих мудрецов, к которым принадлежали Фалес и Солон.

«Чтобы царствовать спокойно, нужно быть охраняемым более любовью народов, чем оружием.

Отказываться от тирании так же опасно, как и быть вынужденным ее покинуть.

Нет ничего полезнее покоя; нет ничего опаснее безрассудства.

Надежда на выгоду не должна руководить нашими действиями.

Наслаждение – благо преходящее, а честь и слава – блага бессмертные.

Человек, не гордись своим возвышением и не теряй мужества, когда счастье тебя оставляет.

Одинаково принимай несчастного друга и того, кому судьба благоприятствует.

Храни ненарушимо слово, тобою данное.

Не говори много, чтобы не проговориться о какой-нибудь тайне.

Так как мы наказываем тех, кто делает зло, то следует так же наказывать и тех, кто имеет намерение делать зло.

Народное правление лучше тиранического».

Стихотворные, но малопоэтические изречения Хилона, Питтака, Виаса, Клеобула, Анахарсиса, вообще говоря, не могут равняться с изречениями Периандра; и в особенности не следует в них искать ничего, даже похожего на то, что мы теперь называем *наукой* и что греки позднее стали называть *философией*. В этом отношении семь мудрецов гораздо ниже таких поэтов, которые явились за несколько веков до них, и даже *гномиков*¹¹, как Теогнис и Фокилид, бывшие почти их современниками.

Эти гномики продолжали работать в области науки и не менее решительно, чем Гомер и Гесиод, брались за самые трудные вопросы о началах вещей, о природе богов и животных, о размерах и движении небесных тел. Впрочем, Фалес и Солон, вследствие полезных и важных сведений, которые они переложили в стихи, были также причисляемы к *гноми-*

¹¹ Названных так от греческого слова γνῶμη – изречение, правило.

кам, — название более почетное, чем название, общее им с семью мудрецами, столь мало сведущими, о которых мы должны были сказать здесь несколько слов, так как и в наше время они еще внушают некоторое уважение большинству людей, мало склонному к разбору и обсуждению славы, освященной преданием и древностью. Major a longinquo reverentia¹².

Между новыми писателями Бленвиль, по-видимому, всего менее обманывался в действительном философском значении мудрецов Греции. Все, что по справедливости должно за ними признать, заключается в том, что это были люди, вероятно, одаренные отличными качествами ума и сердца (за исключением, конечно, Периандра).

«Соединяя с познаниями, которые тогда считались полезными, благоразумие, развитое опытом жизни и годами, это были, — говорит Бленвиль, — люди, к которым обращались за советом в важных обстоятельствах и которых употребляли в самых трудных общественных делах... Они старались сделать своих сограждан лучшими, сочинив изречения, полные смысла и легко запечатлевающиеся в памяти народов».

Поспешим прибавить, что многие из этих изречений неправильно были приписываемы мудрецам. На это указывает Диоген Лаэртий¹³ (Лаэртский. — *Примеч. ред.*). Если из-

¹² В публичном заседании Французской академии в августе 1885 года Сен-Марк-Жиарден читал об *апологе и парабол* в древности. В этом труде действия греческих мудрецов разобраны с таким остроумием, вместе аттическим и галльским, которым отличается этот превосходный писатель.

¹³ «Что касается их изречений, то мнения об этом различны; одним приписы-

речения древни, то и тогда они довольно произвольно приписываются семи мудрецам, ибо сами греки не были согласны в том, какие принадлежат каждому из них. Может быть, это было общее достояние, как *Притчи*, собранные Соломоном.

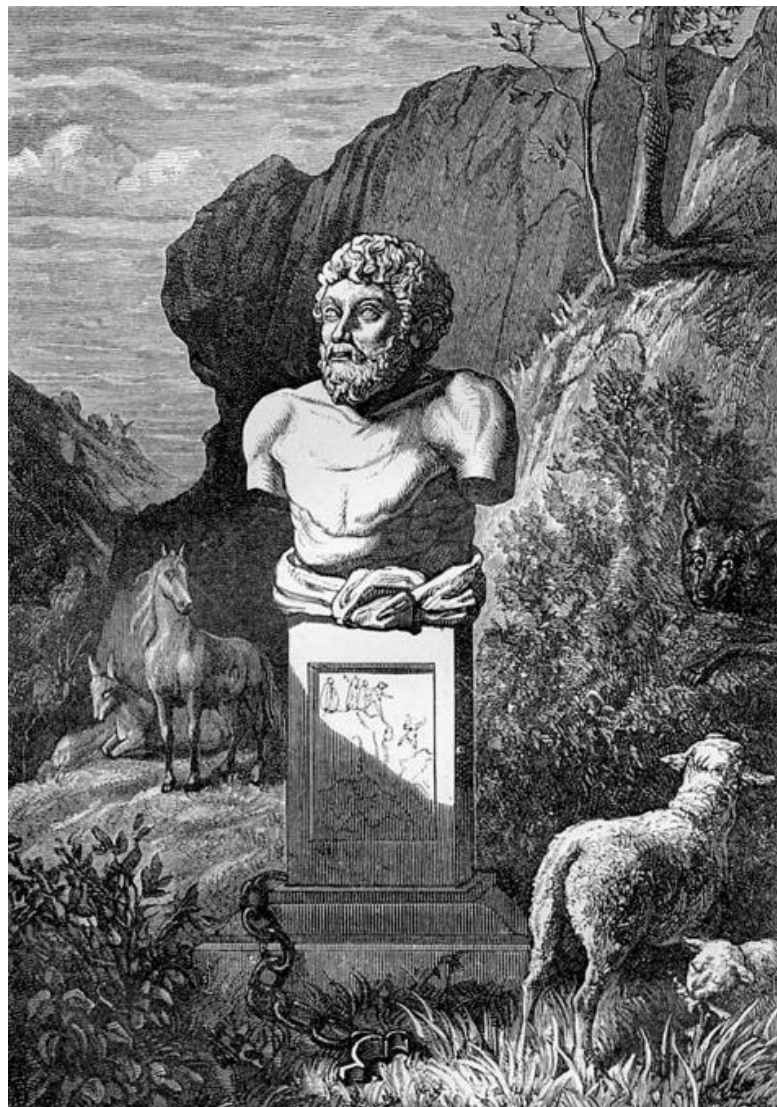
Очень удивительно, что в эпоху, когда так мало нужно было, чтобы заслужить название мудреца, никто не вздумал отдать эту честь человеку, который, будучи современником Фалеса, Солона и пяти других членов в знаменитой плеяде, один сумел найти и пустить в обращение больше правил и полезных наставлений, чем все семь мудрецов вместе. Он притом не ограничился формулированием правил; он сумел еще пояснить их и сделать общедоступными посредством образов, обнаруживающих необыкновенно плодовитое воображение. Мы говорим об Эзопе¹⁴.

Баснописец Эзоп жил в то же время, как и *мудрецы*, и обитал в той же стране, в Малой Азии. Поэтому историки, нам кажется, не должны бы забывать его, говоря о семи мудрецах, как они забывают о Конфуции, другом современнике, тоже мастере в правилах и наставлениях, который, одна-

вают то, что считается сказанным другими» (*Les Vies des plus illustres philosophes de l'antiquité*, traduites du grec de Disgène Leeerce. In—18. Amsterdam, 1761, t. I. Vie de Thales, c. 25.

¹⁴ Висконти в своей *Греческой иконографии* говорит, что греки причисляли Эзопа к числу мудрецов, так как они ставили его изображение рядом с изображениями этих знатных мужей. Мы привели выше место из *Пира семи мудрецов* Плутарха, где сказано, что Эзоп был на этом пиру и сидел ниже Солона.

ко же, был осужден писать для одних китайцев, для народа, совершенно неизвестного древним, хотя гораздо раньше их сделавшего успехи в науках и в цивилизации.

Кроме достоинства моралиста, Эзоп, вероятно, обладал очень обширными познаниями в естественной истории. Это доказывается необыкновенным разнообразием его басен. Сами греки так смотрели на него, потому что богатое содержание его апологов было ими обрабатываемо в различных формах, в прозе и стихах. Сократ в своей темнице занимался переложением в стихи апологов Эзопа. Эти апологи так долго были популярны в Греции, что двести тридцать лет спустя после смерти автора Дмитрий Фалерейский издал их первое собрание, за которым в течение веков следовали многие другие. Подобной судьбы не имели изречения семи мудрецов.

Может быть, нам возразят, что писатели, которые трудились над баснями Эзопа, вероятно, украсили их своими поправками и придали первоначальному автору свой собственный ум. Тут кстати было бы заметить, что в долг дают только богатым! В самом деле, каким образом можно бы было возвеличить эту личность сравнительно с другими, если бы она не была велика сама по себе? Достоверно, впрочем, что во время своей жизни Эзоп пользовался большою славой мудрости и остроумия. В качестве такого человека он, подобно Солону, был приглашен ко двору Креза и внушил этому царю, другу ученых, больше доверия, чем знаменитый законодатель Афин.

Итак, чего же недоставало Эзопу, чтобы примкнуть к чис-

лу мудрецов? Мы можем сделать только предположение, и для этого мы не станем прибегать к его безобразию. Но, если не было необходимости быть красивым, чтобы заслужить имя мудреца, то, может быть, в глазах греков следовало быть свободнорожденным или по крайней мере никогда не бывать рабом. Эзоп был невольник. Одна эта причина была достаточна, чтобы исключить его из плеяды семи мудрецов и отказать ему в названии, общем с лицами, из которых некоторые были цари, а другие – влиятельные граждане своего отечества. Знатность, конечно, ничего не значит для истинной славы, но во всех странах она определяет почести. Итак, весьма вероятно, что бедный фригийский невольник, даже освободившись, постоянно был признаваем ничтожным человеком среди аристократии греческих умов.

Некоторые новейшие биографы решились сказать, что если фригиец был допущен к лидийскому двору, то только в качестве шута! Шут – баснописец, у которого под прозрачным порывом аллегорий мы видим такое глубокое знание человеческого сердца! Шут – человек, соединявший с остроумием удивительную рассудительность и здравый смысл; человек, которому Крез оказывал самую глубокую доверенность и который, когда этот царь послал его в Дельфы для совета с оракулом, так смело высказал жителям свое мнение об их боге и его храме, что они убили его, сбросив с Гиампейской скалы!

Мы описали среду, в которой находился Фалес, когда

учреждал в Ионии первую философскую школу Греции. Можно составить себе понятие о средствах, какие он мог найти у своих современников. Некоторого рода практическая мораль, некоторые политические принципы для руководства правительства, известное искусство действовать на умы народов в маленьких городах – цель всех умственных усилий мудрецов; при этом ничтожные познания, но умы, достаточно свободные от религиозного влияния и подготовленные свободой к великим научным изысканиям, – вот что нашел основатель первой философской школы, той *Ионийской школы*, которая, по словам Кювье, «породила большую часть правильных взглядов на естественные науки, хотя самые знаменитые ее члены мало успели в искусстве изучать природу». Прибавим, что Фалесом были положены истинные основания астрономии.

Но обратимся к истории его жизни.

Этот необыкновенный человек, вокруг которого в скором времени должно было сгруппироваться столько учеников, по-видимому, не имел учителя. Это обстоятельство сократит нам рассказ о его первых годах. Платон производит его от Кадма – финикиянина, принесшего в Грецию алфавит своей страны. Таким образом он в своем собственном семействе мог найти грамотных наставников.

Эта генеалогия отвергается некоторыми биографами, утверждающими, что родители Фалеса больше отличались благородством чувств, чем блеском происхождения.

Оба эти показания, может быть, возможно согласить. Когда Фалес родился, все равно, в Милете или в другом месте, после смерти Кадма прошло восемьсот или девятьсот лет. В этом промежутке потомство финикийских царей могло сильно упасть.

Как бы то ни было, Фалес был сын Экзамиуса и Клеобулины, которые, не будучи уже знатными, были все-таки очень богаты. Они, вероятно, занимались торговлей, – занятие, не приносившее бесчестия у финикийян. Говорят, что на своей родине, ставшей жертвой низких тиранов, они покинули большие богатства, чтобы не быть ни свидетелями, ни соучастниками жестоких дел.

Город Милет, избранный ими как убежище, сделал им благосклонный прием. Они получили в нем право гражданства и скоро стали в первом ряду граждан. Неизвестно, были ли у них еще дети, кроме Фалеса.

Воспитание, данное ими сыну, должно было приготовить его к общественным делам. Он изучил законы своей страны и в скором времени стал настолько в них сведущ, что увидел необходимость их исправления. Занявшись этой реформой, Фалес убедился, что она всегда будет неполной, если он не поведет дела к радикальному изменению, к тому, что у нас называется революцией.

Милет был соединен федеративно с остальными ионийскими городами. Задача, которую нужно было решить в проекте правительства, задуманного Фалесом, состояла в согла-

шении автономии частных городов с свободой и могуществом всей нации. Мы не знаем, что случилось с этим планом; но нужно было упомянуть об нем как о доказательстве той роли, которую Фалес в юности думал играть в правительстве своей страны.

Весьма вероятно, что он исполнял в Милете какие-нибудь общественные обязанности. По Диогену Лаэртию, он даже оказал большую услугу милетцам: он отговорил их от союза, в который Крез приглашал их против персидского царя, вследствие чего они были пощажены Киром, когда он победил лидийцев.

Фалес удивительно успевал во всех предметах, которыми занимался. Он особенно имел способность к отвлеченностям и понимал их с удивительной легкостью. Этот особый дар не дал ему долго предаваться заботам об общественных делах. Он удалился от них, как только убедился, что в Милете было достаточно государственных людей. Неизвестно, в каком возрасте Фалес принял решимость посвятить себя вполне философии.

Так как он был сперва в числе семи мудрецов и даже был первый, которому дано было это имя, то нас не удивит, что он был моралистом. Все его биографы говорят, что он занимался моралью с таким же успехом, как и всем другим. Его считают первым автором знаменитого правила Γνῶθι σεαυτόν (*познай самого себя*), впоследствии приписанного Сократу.

Конечно, не нам решать этот вопрос, восходящий к столь древнему времени. Чтоб дать понятие о Фалесе как о моралисте, мы приведем здесь несколько правил или изречений, которые ему приписывают:

«Обилие слов не есть признак ума. Если вы мудры, то выберите какой-нибудь один предмет, достойный вашего прилежания; этим вы заставите замолчать многих, наделенных одною гибкостью языка.

Старый тиран – одна из самых больших редкостей в мире. Мы будем переносить свои несчастья с большим терпением, если подумаем, что судьба наших врагов еще хуже.

Чтобы хорошо вести себя, нужно только избегать того, что мы порицаем в других.

Можно почитать счастливым того, кто наслаждается здоровьем тела, у кого есть достаток и чей ум не расслаблен ленью и не притуплен невежеством.

Нужно одинаково быть внимательным к друзьям, с нами ли они или отсутствуют.

Истинная красота состоит не в украшении лица, а в обогащении души наукою.

Не собирайте имущества дурными путями.

Старайтесь, чтобы чужие речи не возбуждали вас против тех, кто пользовался вашим доверием.

Помните, что дети ваши будут обходиться с вами так же, как вы обходились с своими родителями».

Так как Фалес не был простым или специальным мора-

листом, подобно другим мудрецам Греции, то мы имеем от него несколько изречений, представляющих как бы сокращение его метафизики и психологии.

«Бог есть древнейшее существо, так как не был никогда рожден.

Мир есть великолепнейшая из всех вещей, так как он есть создание Бога; пространство – самая большая, так как заключает в себе все; ум – самая быстрая, так как пробегает все протяжение мира; необходимость – самая сильная, так как все побеждает; время – самая мудрая, так как открывает все, что скрыто».

После морали и, вероятно, вместе с нею размышления Фалеса были заняты отысканием первых начал и первой причины.

Такова естественная смелость молодых ученых, что они прежде всего берутся за самые трудные вопросы. Бог и мир – таковы два великие предмета, над которыми Фалес прилежно упражняет свою мысль. Он говорит, что, будучи гражданином мира, он не мог не желать знать свою страну и того, Кто ее создал.

Чтобы предаться без помехи столь глубоким изысканиям, он избрал себе убежище, недоступное для городского шума, для нахалов и любопытных, но постоянно открытое для тех, кого приводила к нему любовь к истине или нужда в его советах. Он выходил из этого святилища только для того, чтобы пообедать с одним из своих друзей, Фразивулом,

впоследствии царствовавшим в Милете. В этом уединении более, чем в беседах с другими мудрецами, Фалес приобрел свои великие познания и возымел мысль научных изысканий, которым впоследствии предался.

Бог, мир и человек не перестали до сих пор быть главными предметами всякой философии, да других и быть не может. Первая несозданная причина, абсолютно необходимая – *Бог*; его произведение – созданный *мир*; существо, также созданное, но одаренное умом и могущее относить действие к его причине, *человек*, – вот три предмета великой философии. Фалес понимал это, если справедливо, что формула Γνωθὶ σεαυτὸν принадлежит ему. Конечно, Фалес имел предшественников; и, может быть, не выходя из Азии, можно найти у поэтов, особенно у Гомера, отдельные элементы его философии. Но у Фалеса она является в новом виде и с более отчетливым характером. Она не облечена в религиозные мифы и не покрыта повязками теократии. Она смела и независима в своем ходе. Она создана свободным духом Милета. Такова отличительная черта и главная заслуга ионийской философии.

«Итак, – говорит Баттё, – начинается новый порядок мышления. В прежние времена вера человеческого рода, содержа в себе историю происхождения мира и в этой истории главные основания религии и морали, служила базисом для философских рассуждений. Были согласны не только в фактах, но и в причинах и в последствиях. Если спорили,

то только о лучшем способе их истолкования и объяснения другим. Но с настоящей минуты (с эпохи мудрецов или Фалеса) все уже будет зависеть от метафизики и будет колебаться между различными мнениями, между глубоким чувством, признающим историю первых времен, и утонченными идеями мыслящих умов, больше склонных искать разгадок природы в своей голове, чем в самой природе или в преданиях»¹⁵.

Природа и предание не суть одно и то же. Между ними та же разница, как между наблюдением, ищущим истины, и предрассудком, полагающим, что он обладает ею вполне. Очевидно, ученый аббат Баттё недоволен тем философским движением, вся честь которого принадлежит Греции, хотя он очень хорошо его характеризует, кроме последних строк, которые, понятно, весьма приложимы к эпохе софистов, но не могут быть отнесены к Фалесу, первому философу, обратившемуся к изучению природы.

Мы уже видели, что думал о нем Кювье; приведем теперь слова другого натуралиста, Бленвиля: «По свидетельству древних, Фалес Милетский был первый и единственный из греческих мудрецов, делавший исследования и наблюдения относительно происхождения вещей, величины и движения небесных тел, метеорологических явлений, наконец, себя самого и души человеческой; может быть, он же положил основания геометрии: вот почему впоследствии он был

¹⁵ *Histoire des premiers principes*, с. 185 и 186.

назван отцом греческой философии»¹⁶.

Послушаем наконец Аристотеля, имевшего в своем распоряжении больше сведений о Фалесе, чем два указанные французских ученых, и с своей стороны весьма сведущего в естественной истории: «Фалес, глава той философии, которая наблюдает естественные явления, говорит, что вода есть начало всех вещей, что все существа были произведены ею и в нее разрешаются»¹⁷.

Как говорит Аристотель, Фалес признавал одно вещественное начало, воду, из которой был образован мир и из которой образовывались и которой питались все существа, находящиеся в мире. Он допускал второе начало, уже невещественное, деятельно дававшее форму веществу: Бога.

«Фалес Милетский, – говорит Цицерон, – утверждал, что вода есть начало всех вещей и что Бог есть тот разум, который образует из воды все вещи»¹⁸.

В настоящее время невозможно решить, была ли мысль о том, что вода есть единственный элемент вещественного мира, личным мнением Фалеса, или же он заимствовал ее от египтян. Аристотель, остановившись на минуту на этом вопросе, не взялся отвечать на него.

«Чтобы это мнение о природе было очень древнее, нель-

¹⁶ *Histoire des sciences de l'organization*, т. I, с. 57.

¹⁷ *Метафизика*, кн. I, гл. III.

¹⁸ «Thales Milesius aquam dixit esse initium rerum, Deum autem eam mentem que ex aqua cuocta fingeret» (*De Natura deorum*).

зя сказать навверное. Во всяком случае Фалесу приписывают такие мысли относительно первой причины»¹⁹.

Но если Фалес не заимствовал этого мнения от египтян, как объяснить некоторое сходство с тем представлением, которое Моисей ввел в свое миротворение: «В начале Дух Божий носился над водами»? Если Фалес еще не был в Египте тогда, когда приписывал Богу создание мира из жидкого элемента, то не мог ли он получить эту идею от евреев, бывших тогда в вавилонском пленении? Ибо необходимо заметить, что осада, взятие и разрушение Иерусалима Навуходоносором и переселение иудеев на берега Евфрата суть события, происходившие в ту самую эпоху, когда мудрецы процветали в Малой Азии. Все греческие писатели молчат об этих событиях; но из этого молчания невозможно заключить, чтобы о них ничего не знали в Греции, а особенно в Ионии, которую так часто занимали персы и в которой Кир одержал победу над лидийцами. Через персов, бывших во множестве в береговых городах Малой Азии, греки неизбежно знали кое-что о том, что делалось в Вавилоне. Они сами, впрочем, охотно посещали как Халдею, так и Египет, с целью приобретения познаний. Итак, почему же думать, что они не могли иметь никаких сношений с израильтянами, удерживаемыми в плену в Вавилоне?

Те, кто полагает, что Фалес был приведен к своей системе своими собственными физическими наблюдениями, приво-

¹⁹ Loc. cit.

дят на это хорошие основания. Вода естественно должна была являться уму нашего философа как первое и единственное начало вещей, вследствие той огромной и разнообразной роли, какую она играет в природе. Не видим ли мы каждую минуту, что вода изменяет свое физическое состояние? Смотря по тому, замерзает ли она, растаивает или испаряется, она принимает в наших глазах вид твердый, жидкий или воздухообразный. И так как это суть три физические состояния, в которых нам является вещество, то Фалес заключал отсюда, что столь разнообразный элемент может дать нам отчет во всем, что существует в природе. Поэтому он допустил, что вода (помощью деятельного начала или Бога) может стать воздухом, огнем, землею, деревом, металлом, телом, кровью, вином и проч. и что все эти тела суть вода в различных степенях сгущения или разрежения²⁰.

Сомнительно, однако же, чтобы таково именно было толкование, которое сам Фалес давал своей системе: мы не имеем никакого свидетельства о его настоящих взглядах.

²⁰ Знакомые с высшими вопросами химической философии знают, что нынешние химики, соображая теории изоморфизма и полиморфизма, сближая цифры химических паев металлов (почти всегда кратные одного и того же числа), пришли к подобным же идеям, т. е. допускают единство вещества. По этой системе, предлагаемой ныне химиками, одно гипотетическое вещество, сгущаясь в различных степенях, может произвести все известные нам простые тела. См. об этом *Leçons de philosophie chimique* par M. Dumas (с. 280), а особенно его *Essai de statique chimique des corps organisés, leçon professée à l'Ecole de Médecine* le 20 août 1841, 3—me ed. 1844. В этой лекции Дюма развивает относительно воздуха идеи, весьма похожие на те, какие Фалес имел относительно воды.

Система Фалеса о происхождении и составе вещественных тел, вероятно, однако, не удовлетворила всех, ибо Анаксимандр, самый знаменитый из учеников этого философа, видоизменил мысль своего учителя. Он не мог признать один частный элемент за общее начало столь различных вещей. Поэтому на место воды он поставил некоторую первоначальную субстанцию, которая не была ни водою, ни воздухом, ни землею. Из этого вещества без названия Анаксимандр производил небесные тела и множество миров и существ, населяющих эти миры.

Мы не находим, чтобы система Фалеса, таким образом исправленная и затемненная, стала более вероятною.

Положительные люди, – они всегда бывают вокруг мыслителей, – вероятно, какие-нибудь богатые жители Милета, завидовавшие славе Фалеса, упрекали его в том, что он тратит свои дарования на бесполезные занятия, которые не могли привести его к богатству. Быть может, они были вправе прибавить, что они поведут его к бедности. Действительно, дела нашего философа много пострадали, с тех пор как он все свое время посвятил своим умозрительным трудам. Поэтому он решился доказать насмешникам, что философия, если удостоит снизойти до денежных предприятий, может повести к богатству.

Его познания в метеорологии дали ему возможность предвидеть, что год будет обилен маслинами, и он арендовал множество маслобоен. После сбора, который действительно был

очень обилён, он сдал маслобойни по тем ценам, какие хотел, и таким образом приобрел большую сумму денег²¹.

Фалес не только был отцом умозрительной философии: на него нужно еще смотреть как на первого философа, трудившегося над приложением науки, и лишь для лучшего успеха в этом он начал с изучения общих начал.

Несмотря на то, толпа продолжала осмеивать его постоянное наблюдение явлений природы. Диоген Лаэртий рассказывает, что однажды, вышедши из дому вечером со старухой наблюдать звезды, он упал в яму.

«Как ты можешь, — сказала добрая старушка, — видеть, что делается на небе, если не видишь того, что у тебя под ногами!»

Эта выходка против философа и мудреца не прошла даром. Сколько раз повторяли ее в прозе и стихах, в апологе и в сатире?

Древние утверждают, что Фалес сделал хорошие открытия в физике; к несчастью, они до нас не дошли. Из его исследований природы мы знаем немногие, напр. объяснение разливов Нила.

²¹ Diogène Laërce: *Thalés*, т. I, с. 16.

Урания, муза астрономии, открывает Фалесу тайны небес. Художник А. Канова. 1799 г.

Фалес приписывать разлитие этой реки противным ветрам, возвращавшимся каждый год и задерживавшим течение реки. Впрочем, некоторые биографы приписывают честь этого объяснения его ученику Анаксимандру.

Наиболее достоверное открытие Фалеса в физике касается электрических явлений. Невозможно теперь сказать, в какой форме явилось у него это открытие и было ли оно изложено в каком-нибудь сочинении этого философа. Мы толь-

ко из позднейших писателей знаем, что Фалес знал явление притяжения легких тел, обнаруживаемое янтарем, когда его потрут. Спустя многие века потом это открытие породило удивительную ветвь физики – учение об электричестве. Но был ли факт, служащий основанием и точкой опоры этой науки, открыт первоначально Фалесом, или же этот философ заимствовал его от более древних наблюдателей? В исторической тьме, в которой теряются эти предания, невозможно ничего разобрать относительно этого дела.

Автор довольно посредственной *Философской истории успехов физики*, А. Либес, следующим образом излагает труды Фалеса по физическим наукам.

«Фалесу принадлежит, – говорит Либес, – разделение неба на пять поясов, – довольно точное измерение видимого диаметра Солнца, изложение учения о равноденствиях. Он показал, что можно пользоваться Малой Медведицей во время мореплавания; он открыл действительную причину фазисов Луны, умел первый из греков предсказывать солнечные затмения и определять с большою точностью форму, движения и величину светил. Эти полезные познания, вместе с теми, которые он заимствовал у египтян и которые он ревностно сообщал всем, кто желал его слушать, были причиной, что на него смотрели как на первого из семи мудрецов. Фалес не был всегда так счастлив в своих изъяснениях. Его воображение иногда расставляло ему сети, от которых он не умел уберечься. Планеты, Солнце, звезды – все питается па-

рами, говорил он громко на своих уроках. Одно и то же начало питает все тела, и это начало – вода. Притягательная сила магнита и электрическое свойство янтаря казались ему свойствами, достаточными для того, чтобы приписать этим веществам душу. Он признает единый мир: все светила обращаются вокруг его центра, занятого Землею, круглота которой ему кажется несомнительною; а земля поκειται на поверхности воды»²².

Различные трактаты, написанные Фалесом об астрономии, потеряны; но через его учеников известна часть открытий, сделанных им в науке.

Эти ученики находились не только в Милете, но и во всех городах Малой Азии. Он не собирал их в известные дни для слушания; у него не было школы, как была она впоследствии у Пифагора в Великой Греции, у Платона и Аристотеля в Афинах. То ученики его посещали, то он сам их посещал. Сообщали друг другу работы, указывали друг другу новые предметы исследований; в таких беседах учитель толковал и развивал найденные им формулы.

Вот некоторые из числа изречений, всего яснее излагающих физику и метафизику Фалеса:

«Вода есть начало всего; все из нее происходит и в нее разрешается.

Есть только один мир; он есть творение Бога; следовательно, он совершенен.

²² In-8° Paris, т. I, с. 8–10.

Бог есть душа мира.

Мир есть самая обширная явь вещей, существующих в пространстве.

Нет пустоты.

Все изменяется, и каждое состояние вещей только мгновенно.

Вещество постоянно разделяется, но это разделение имеет свой предел.

Ночь существовала раньше всего.

Смешение происходит от сочетания элементов.

Звезды имеют земную природу, но воспламененную.

Луна освещается Солнцем.

Есть лишь одна Земля; она находится в центре мира. Эгейские ветры, дующие против течения Нила, задерживают его и производят разливы.

Есть первобытный Бог, самый древний; он не имел начала и не будет иметь конца.

Этот Бог непостижим; от него ничто не сокрыто; он видит в глубине наших сердец.

Есть демоны или гении и герои.

Демоны суть души, отделенные от тела; они добрые, если души были добрые, злые – если души были злые.

Душа человеческая всегда движется сама собою. Неодушевленные вещи не имеют чувства и души.

Душа бессмертна.

Всем управляет необходимость.

Необходимость есть неизменная сила и постоянная воля Провидения».

Уроки Фалеса были даровые. Это бескорыстие должно было увеличивать число его учеников, ибо во времена Фалеса, как и ныне, люди, предававшиеся философским умозрениям, вообще не были избалованы счастьем.

Греческий гений, любящий все идеализировать, изобрел прекрасную басню, чтобы приписать Фалесу первое место между философами.

Несколько молодых ионян купили у рыбаков тоню, которую те закидывали. Вытащен был золотой треножник, который сочли за произведение Вулкана. Завязался спор между молодыми людьми и рыбаками. Чтобы покончить его, жители Милета послали спросить оракула. Бог дал такой ответ:

«Я присуждаю треножник тому, кто всех мудрее!»

Тотчас по общему согласию его отдали Фалесу. Но Фалес послал его другому мудрецу, тот третьему и т. д., пока наконец треножник не дошел до Солона.

Солон отослал треножник назад в Дельфы, сказавши, что нет никого, кто бы был мудрее Бога²³.

Посмотрим теперь, как гений Фалеса, развитый умозрительной философией, по-видимому занимавшей первую половину его жизни, обнаружился наконец в некоторых фактах, поразивших толпу удивлением. Фалес не изобрел астрономии, науки, возникшей по частям повсюду и для настоя-

²³ Diogène Laërce, in—18. Amsterdam, 1761, *Thalès*, т. I, с. 17.

щего развития требовавшей помощи других наук, слишком мало успевших в это время; но достоверно и свидетельствуется всеми древними, что он первый посвятил греков в тогдашние астрономические познания.

Если Фалес ничего не заимствовал у халдейских астрономов, то какой народ доставил ему элементы астрономических познаний?

Это были, может быть, финикияне, их предания, сохранявшиеся в семействе *Талидов*, к которому он принадлежал. Финикияне, первые известные мореплаватели, не могли быть с незапамятных времен искусны в этом деле, не приобретя в астрономии, механике, геометрии познаний, неизвестных другим народам. Если верить отрывкам, дошедшим до нас под именем Санхониатона, одного из финикийских писателей, бывшего почти современником Моисея, то финикияне даже обладали научной теорией происхождения мира, другими словами — *космогонией*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.